

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Переиздание с комментариями.

Фотоматериал времен конца XIX — начала XX века, а также специально подготовленный для издания М.И. Вострышевым и Б.Б. Протопоповым

Гиляровский, Владимир Алексеевич.

Г47

Москва и москвичи / Владимир Гиляровский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 512 с. : ил. — (Подарочные издания. Москвоведение).

ISBN 978-5-906979-32-2

«Москва и москвичи» — сборник рассказов и очерков, в котором в увлекательной форме рассказывается о жизни москвичей во второй половине XIX — начале XX века. Как метко сказали критики — это «история повседневности» Москвы, где минувшее предстает перед читателями во всем своем многообразии: в блеске и нищете, в веселье и скорби.

Книга талантливого журналиста и репортера входит в число 100 самых популярных книг России. В новом издании тексты Владимира Алексеевича Гиляровского впервые сопровождаются подробными постраничными комментариями с фотографиями старой Москвы.

Дополнительные материалы подготовлены известным историком-москвоведом Михаилом Ивановичем Вострышевым. Эти комментарии связывают дореволюционную Москву Гиляровского с современной Москвой, являются своеобразным путеводителем по Москве конца XIX — начала XX века.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906979-32-2

© ООО «ТД Алгоритм», оформление, издание, 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ПОДАРОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ. МОСКВОВЕДЕНИЕ

Гиляровский Владимир Алексеевич

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Редактор С.Е. Иванова

Художник Б.Б. Протопопов

Компьютерная верстка И.М. Хотич

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 11.08.2017.

Формат 70х100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,48.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-32-2

9 785906 979322 >

Москва богата на достопримечательности. Из архитектурных шедевров победа всегда оставалась за Кремлем. Из политических колоссов в конце XIX века предпочтение отдавали газетам «Московские ведомости» (правая оппозиция) и «Русские ведомости» (левая оппозиция). Из торговых рынков на почетное место ставили дорогостоящие Верхние торговые ряды на Красной площади и крикливый Охотный ряд возле нее. Из питейных заведений славились непомерным количеством пропитых здесь денег рестораны «Яр» и «Стрельна». Из музеев выделяли сокровищницу русской живописи — Третьяковскую галерею. Среди московских достопримечательностей на рубеже XIX и XX веков появилась еще одна — Владимир Алексеевич Гиляровский.

Он появился в Москве осенью 1881 года, до этого испробовав себя в провинции и на войне с турками во многих профессиях: циркач, пожарник, сторож, бурлак, бродячий актер, объездчик лошадей, пластун-разведчик...

Немного оглядевшись, Гиляровский избрал в Москве профессию газетного репортера и уже через несколько лет получил прозвище Король репортеров. Он начал работать в самой популярной газете для простонародья «Московский листок», редактор которой Н.И. Пастухов тоже начинал карьеру с репортажей. Гиляровский вспоминал: «Пастухов сразу оценил мои способности, о которых я и не думал, и в первые же месяцы сделал из меня своего лучшего помощника. Он не отпускал меня от себя, с ним я носился по Москве, он возил меня по трактирам, где собирал всякие слухи, с ним я ездил за Москву на любимую им рыбную ловлю, а по утрам должен был явиться к нему в Денежный переулок пить семейный чай».

Невысокого роста, крепко сложенный, с быстрыми движениями и уверенным голосом, Гиляровский с первых слов располагал к себе собеседника, покорял его своей душевной широтой и сердечной чуткостью. Чтобы написать репортаж в несколько строк и получить за него несколько копеек, он переодевался бродягой

и посещал московские трущобы, спускался в подземные трубы и поднимался ввысь на воздушном шаре, пешком проходил за день несколько десятков километров. Он был дружен с полицмейстерами и скупщиками краденого, писателями и художниками, трактирщиками и парикмахерами, от которых получал нужную информацию.

В старости Владимир Алексеевич признавался: «Излюбленно-му газетному делу я отдал лучшие свои силы, лучшую часть своей жизни и самую длительную. Я увлекался работой живой, интересной, требующей сметки, смелости и неутомимости. Эта работа была как раз по мне. Бродячая жизнь, полная приключений, выработала во мне все необходимые качества для репортера. Я не знал страха, опасности, усталости. На мой взгляд, для такой работы у человека должно быть особенное призвание».

Но на Москве всегда хватало людей, любящих прихвастнуть, сказать про себя, что «одним махом сто душ побиваю». Что же говорили о Короле репортеров писатели — люди, обычно скупые на похвалу своим собратьям по перу?..

П.А. Сергиенко: «И когда я всматривался в Гиляровского, мне чудилось, что от него веет степью и ковылем, яворами и вишневым садом, кипучей энергией и казацкой удалью».

Вл.И. Немирович-Данченко: «На похоронах какого-то богатого купца раздавали милостыню, и в давке погибло сколько-то нищих. Гиляровский привез в редакцию сообщение*. Примерно строк на пятнадцать. Писал он всегда сжато, без всякого желания увеличивать число строчек. Вдруг ночью, перед самым выпуском номера газеты Гиляровский снова приезжает. Оказалось, что задавили на похоронах одним человеком меньше, чем он сообщил утром. Телефонов тогда не было, Гиляровскому для исправления ошибки пришлось ехать на Москворецкую набережную. Платил ему Ланин три копейки за строчку. И никакого жалования, никаких расходов. Этот случай репортерской добросовестности навсегда остался у меня в памяти. Многие ли из современных репортеров, труд которых оплачивается беспримерно дороже, могут гордиться таким чувством уважения к газетным новостям?»

В.М. Дорошевич: «Это был человек, сам прошедший тяжелую школу жизни, много переживший, перестрадавший. Это был человек с литературным талантом. В душе его жил даже поэт».

Н.Д. Телешов: «Дружил Гиляй и с художниками, знаменитыми и начинающими, с писателями и актерами, с пожарными и беговыми наездниками, с жокеями и с клоунами из цирка, с европейски-

* В редакцию газеты «Русский курьер».

ми знаменитостями и с пропойцами Хитрова рынка — «бывшими людьми». Только Гиляровский, этот смелый и сильный человек, мог беспрепятственно, без боязни быть ограбленным или убитым, проникать в трущобы Хитрова рынка».

А.П. Чехов: «Из этого человечины вырабатывается великолепный репортер».

Но жизнь газетной полосы недолговечна. Много славных имен репортеров гремело по Москве, но ныне они напрочь забыты. А вот Гиляровскому повезло, его вспоминают и поныне... Нет, это не везение, а закономерный результат его жизни. Благодаря своему жизнелюбивому и отзывчивому характеру он дружил со многими талантливыми людьми своего времени, почти все российские знаменитости перебивали в его квартире № 10 дома № 9 по Столешникову переулку, где он прожил более полувека до своей кончины в 1935 году, и память о дяде Гиляе осталась в их воспоминаниях и переписке.

А.П. Чехов восхищался: «Гиляровский прошел в один день 80 верст пешком, убил медведя, лисицу и множество зайцев и опять собирается в лес, так как во Владимирской губернии ему дали знать, что три медведя берлоги уже ждут его».

Да и сам дядя Гиляй позаботился о своей посмертной славе. При жизни он похвалялся, главным образом, своей недюжинной силой и стихами. Сила с годами пошла на убыль, а стихи Гиляровского, хоть он и издал несколько поэтических книжек и продолжал сочинять вирши до конца жизни, всегда оставались посредственными. Зато он заявил о себе как о писателе, переложив на лист бумаги многое из бурной и многообразной своей жизни. И в первую очередь это книга «Москва и москвичи», где передан неподражаемый колорит дореволюционной Москвы.

Гиляровский приступил к работе над книгой о старой Москве осенью 1924 года. Начал с рассказа о Хитровке. Сдал рукопись «Москва и москвичи» в редакцию в августе 1925 года, а в январе 1926 года она уже была в продаже. Она была в три раза тоньше последнего прижизненного издания 1935 года, с которого перепечатываются все посмертные издания.

К.Г. Паустовский, говоря о Гиляровском, заметил: «Каждому времени нужен свой летописец, не только в области исторических событий, но и летописец быта и уклада».

Увы, бытописателей, подобных дяде Гиляю, советская Москва не сумела создать. Он так и остался неподражаем.

Михаил Вострышев

Я — москвич! Сколь счастлив тот, кто может произнести это слово, вкладывая в него всего себя. Я — москвич!

...Минувшее проходит предо мною...

Привожу слова пушкинского Пимена, но я его несравненно богаче: на пестром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву. Она ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро, освещенные электричеством, сверкающие мрамором чудесных зал.

...В «гранит одетая» Москва-река окаймлена теперь тенистыми бульварами. От них сбегает широкие каменные лестницы. Скоро они омоются новыми волнами: Волга с каждым днем приближается к Москве.

Когда-то на месте этой каменной лестницы, на Болоте, против Кремля, стояла на шесте голова Степана Разина, казненного здесь. Там, где недавно, еще на моей памяти, были болота, теперь — асфальтированные улицы, прямые, широкие. Исчезают нестройные ряды устарелых домишек, на их месте растут новые, огромные дворцы. Один за другим поднимаются первоклассные заводы. Недавние гнилые окраины уже слились с центром и почти не уступают ему по благоустройству, а ближние деревни становятся участками столицы. В них входят стадионы — эти московские колизеи, где десятки и сотни тысяч здоровой молодежи развивают свои силы, готовят себя к героическим подвигам и во льдах Арктики, и в мертвой пустыне Кара-Кумов, и на «Крыше мира», и в ледниках Кавказа.

Москва вводится в план. Но чтобы создать новую Москву на месте старой, почти тысячу лет строившейся кусочками, где какой удобен для строителя, нужны особые, невиданные доселе силы...

Это стало возможно только в стране, где Советская власть.
Москва уже на пути к тому, чтобы сделаться первым городом
мира. Это на наших глазах.

...Грядущее проходит предо мною...

И минувшее проходит предо мной. Уже теперь во многом оно непонятно для молодежи, а скоро исчезнет совсем. И чтобы знали жители новой столицы, каких трудов стоило их отцам выстроить новую жизнь на месте старой, они должны узнать, какова была старая Москва, как и какие люди бытовали в ней.

И вот «на старости я сызнава живу» двумя жизнями: «старой» и «новой». Старая — фон новой, который должен отразить величие второй. И моя работа делает меня молодым и счастливым — меня, прожившего и живущего

На грани двух столетий,
На переломе двух миров.

Москва, декабрь 1934 г.
Вл. Гиляровский

Наш полупустой поезд остановился на темной наружной платформе Ярославского вокзала, и мы вышли на площадь, миновав галдевших извозчиков, штурмовавших богатых пассажиров и не удостоивших нас своим вниманием. Мы зашагали, скользя и спотыкаясь, по скрытым снегом неровностям, ничего не видя ни под ногами, ни впереди. Безветренный снег валил густыми хлопьями, сквозь его живую вуаль изредка виднелись какие-то светлевшие пятна, и, только наткнувшись на деревянный столб, можно было удостовериться, что это фонарь для освещения улиц, но он освещал только собственные стекла, залепленные сырым снегом.

Мы шли со своими сундучками за плечами. Иногда нас перегоняли пассажиры, успевшие нанять извозчика. Но и те проехали. Полная тишина, безлюдье и белый снег, переходящий в неведомую и невидимую даль. Мы знаем только, что цель нашего пути — Лефортово, или, как говорил наш вожак, коренной москвич, «Лафортново».

— Во, это Рязанский вокзал! — указал он на темневший силуэт длинного, неосвещенного здания со светлым круглым пятном наверху; это оказались часы, освещенные изнутри и показывавшие половину второго.

Миновали вокзалы, переползли через сугроб и опять зашагали посредине узких переулков вдоль заборов, разделенных деревянными домишками и запертыми наглухо воротами. Маленькие окна отсвечивали кое-где желто-красным пятнышком лампадки... Темь, тишина, сон беспробудный.

Вдали два раза ударил колокол — два часа!

— Это на Басманной. А это Ольховцы... — пояснил вожатый.

И вдруг запел петухом:

— Ку-ка-ре-ку!..

Мы оторопели: что он, с ума спятил?

А он еще...

Вместо деревянного вокзала 1862 года в 1864 году по проекту архитектора М.Ю. Певестамы было выстроено каменное здание Рязанского вокзала на Каланчевской площади (ныне Комсомольская площадь) для Московско-Рязанской железной дороги. В 1894 году ее переименовали в Московско-Казанскую железную дорогу, так как поезда стали уже ходить до Казани. В 1913 году здание Рязанского вокзала было снесено, и на его месте приступили к строительству Казанского вокзала.

И вдруг — сначала в одном дворе, а потом и в соседних ему отделились проснувшиеся петухи. Удивленные несвоевременным пением петухов, сначала испуганно, а потом зло залились собаки. Ольховцы ожили. Кое-где засветились окна, кое-где во дворах застучали засовы, захлопали двери, послышались удивленные голоса: «Что за диво! В два часа ночи поют петухи!»

Мой друг, Костя Чернов, залаял по-собачьи; это он умел замечательно, а потом завыл по-волчьи. Мы его поддержали. Слышно было, как собаки гремят цепями и бесятся.

Мы уже весело шагали по Басманной, совершенно безлюдной и тоже темной. Иногда натывались на тумбы, занесенные мягким снегом. Еще площадь. Большой фонарь освещает над нами подобие окна с темными и непонятными фигурами.

— Это Разгуляй, а это дом колдуна Брюса, — пояснил Костя.

Так меня встретила в первый раз Москва в октябре 1873 года.

Московская легенда гласила, что в царском доме на площади Разгудия, где сходятся Новая и Старая Басманные улицы, жил «колдун Брюс». На самом же деле это трехэтажное здание принадлежало историку конца XVIII - начала XIX веков графу А.И. Мусину-Пушкину, а позже - 2-й Московской гимназии. Спродвиник же Петра I граф Я.В. Брюс жил на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира), рядом с немецкой кирхой.

На другой день после приезда в Москву мне пришлось из Лефортова отправиться в Хамовники, в Тёплый переулочек. Денег в кармане в обрез: два двугривенных да медяки. А погода такая, что сапог больше изорвешь. Обледенелые нечищенные тротуары да талый снег на огромных бульгах. Зима еще не устоялась.

На углу Гороховой — единственный извозчик, старик, в армяке, подпоясанном обрывками вылинявшей вожжи, в рыжей овчинной шапке, из которой султаном торчит кусок пакли. Пузатая мохнатая лошаденка запряжена в пошевни — низкие лубочные санки с низким сиденьем для пассажиров и перекинутой в передней части дощечкой для извозчика. Сбруя и вожжи веревочные. За подпояской кнут.

— Дедушка, в Хамовники!

— Кое место?

— В Тёплый переулочек.

— Двоегривенный.

Мне показалось это очень дорого.

— Гривенник.

Ему показалось это очень дешево.

Я пошел. Он двинулся за мной.

— Последнее слово — пятиалтынный? Без почину стою...

Шагов через десять он опять:

— Последнее слово — двенадцать копеек...

— Ладно.

Извозчик бьет кнутом лошаденку. Скользим легко то по снегу, то по оголенным мокрым бульгам, благо широкие деревенские полозья без железных подрезов. Они скользят, а не режут, как у городских санок. Зато на всех косогорах и уклонах горбатой улицы сани раскатываются, тащат за собой набочившуюся лошадь и ударяются широкими отводами о деревянные тумбы. Приходится держаться за спинку, чтобы не вылететь из саней.

Тёплый перецлок (с 1 февраля 1965 года – улица Тимчура Фрунзе (сверху)) получил название по находившимся здесь в XVIII веке баням. Начинаясь от Хамовнической набережной (с 1926 года – Фрунзенская набережная) и заканчивался у Зубовской площади. От Гороховской улицы (с 23 февраля 1939 года – улица Казакова (снизу)) до него надо было добираться, пересекая два раза с севера на юг Садовое кольцо.

Вдруг извозчик оборачивается, глядит на меня:

— А ты не сбежишь у меня? А то бывает: везешь, везешь, а он в проходные ворота — юрк!

— Куда мне сбежать — я первый день в Москве...

— То-то!

Жалуется на дорогу:

— Хотел сегодня на хозяйской гитаре выехать, а то туда, к Кремлю, мостовые совсем оголели...

— На чем? — спрашиваю. — На гитаре?

— Ну да, на колибере... вон на таком, гляди.

Из переулка поворачивал на такой же, как и наша, косматой лошаденке странный экипаж. Действительно, какая-то гитара на колесах. А впереди — сиденье для кучера. На этой «гитаре» ехали купчиха в салопе с куньим воротником, лицом и ногами в левую сторону, и чиновник в фуражке с кокардой, с портфелем, повернутый весь в правую сторону, к нам лицом.

Так я в первый раз увидел колибер, уже уступивший место дрожкам, высокому экипажу с дрожащим при езде кузовом, задняя часть которого лежала на высоких, полукругом, рессорах. Впоследствии дрожки были положены на плоские рессоры и стали называться, да и теперь зовутся, пролетками.

Мы ехали по Немецкой. Извозчик разговорился:

— Эту лошадь — завтра в деревню. Вчера на Конной у Илюшина взял за сорок рублей киргизку... Добрая. Четыре года. Износу ей не будет... На той неделе обоз с рыбой из-за Волги пришел. Ну, барышники у них лошадей укупили, а с нас вдвое берут. Зато в долг. Каждый понедельник трешку плати. Легко разве? Так все извозчики обзаводятся. Сибиряки привезут товар в Москву и половину лошадей распродадут...

Выезжаем на Покровку и останавливаемся на углу. На паре рыжих — коренник мчится призовой рысью, красавица-пристяжка на отлете, шею изогнула кольцом, землю ест — бешено промчался в каске и шинели с капюшоном военный. Задавил собачку, сшиб разносчика с корзиной яиц на голове и вихрем пронесся к заставе, даже не оглянувшись.

— Генерал Арапов... Обер-полицмейстер... Ну его! — шепнул боязливо старик, нахлобучивая шапку.

Переезжаем Садовую. У Земляного вала — вдруг суматоха. По всем улицам извозчики, кучера, ломовики нахлестывают лошадей и жмутся к самым тротуарам. Мой возница остановился на углу Садовой.

Вдали звенят колокольчики.

Извозчик обернулся ко мне и испуганно шепчет:

— Кульеры! Гляди!

Николай Устинович
Арапов (1825-1884)
В 1866-1878 годах за-
нимал должность мо-
сковского обер-полиц-
мейстера в чине гене-
рал-майора. По отзыву
Н.П. Розанова, в качестве
начальника полиции был
«довольно добродушный
и не слишком натягиваю-
щий вожжи».

Колокольцы заливаются близко, слышны топот и окрики.

Вдоль Садовой, со стороны Сухаревки, бешено мчатся одна за другой две прекрасные, одинаковые рыжие тройки, в одинаковых новых коротеньких тележках. На той и на другой — разудалые ямщики, в шляпенках с павлиньими перьями, с гиканьем и свистом машут кнутами. В каждой тройке по два одинаковых пассажира: слева жандарм в серой шинели, а справа молодой человек в штатском.

Промелькнули бешеные тройки, и улица приняла обычный вид.

— Кто это? — спрашиваю.

— Жандармы. Из Питера в Сибирь везут. Должно, важнееюших каких. Новиков-сын на первой сам едет. Это его самолучшая тройка. Кульерская. Я рядом с Новиковым на дворе стою, нагляделся.

...Жандарм с усищами в аршин,
А рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин... —

вспоминаю Некрасова, глядя на живую иллюстрацию его стихов.

— В Сибирь на каторгу везут: это — которые супротив царя идут, — пояснил полусшепотом старик, оборачиваясь и наклоняясь ко мне.

У Ильинских ворот он указал на широкую площадь. На ней стояли десятки линей с облезлыми крупными лошадьми. Обо-

рванные кучера и хозяева линеек суетились. Кто торговался с нанимателями, кто усаживал пассажиров: в Останкино, за Крестовскую заставу, в Петровский парк, куда линейки совершали правильные рейсы. Одну линейку занимал синодальный хор, певчие переругивались басами и дискантами на всю площадь.

В 1870-х годах на улицах еще встречались общественные «линейки», запряженные парой лошадей. «Линейка», или «калибер», — экипаж с двумя павками для пятерых человек каждая по бокам. Этим транспортом пользовались «закрытые обыватели — рабочий, мастеровой, служащий люд, из купцов же редкий мало-мальски состоятельный не имел своего выезда». Их главная стоянка находилась на площади около Ильинских Ворот Китай-города.

— Куда-нибудь на похороны или на свадьбу везут, — пояснил мой возница и добавил. — Сейчас на Лубянке лошадку попоим. Давай копейку: пойло за счет седока.

Я исполнил его требование.

— Вот проклятушие! Чужих со своим ведром не пускают к фанталу, а за ихнее копейку выплачивай сторожу в будке. А тот с начальством делится.

Лубянская площадь — один из центров города. Против дома Мосолова (на углу Большой Лубянки) была биржа наемных экипа-